

● ЗОНА В РАЗРЕЗЕ ПРОБЛЕМ

Поможем самим себе?

Для ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС были задействованы ресурсы огромной страны — Советского Союза. В зону бед ехали ученые, специалисты, добровольцы, привлекались военные. Сюда, не считая, давали деньги, материально-технические ресурсы, наличную технику. Поэтому в кратчайшие сроки удалось сделать зону пригодной для пребывания в ней людей, построить «саркофаг», возобновить работу трех не пострадавших в результате взрыва блоков Чернобыльской АЭС, создать систему контроля за радиационной обстановкой.

Сегодня, через девять лет после аварии, положение дел коренным образом изменилось. Корреспонденты газеты беседуют с исполняющим обязанности генерального директора научно-производственного объединения «Припять» Сергеем КАЗАКОВЫМ.

— Сергей Викторович, о повышенном внимании и всесторонней материальной поддержке работ по ликвидации последствий аварии сегодня, наверное, не стоит и говорить.

— Да, с 1986 года ситуация изменилась и не в лучшую сторону. Главная беда — недостаточное финансирование работ, что негативным образом влияет на производственную деятельность объединения. Наша задача сделать зону отчуждения безопасной для населения, проживающего за ее пределами, и персонала, который выполняет работы здесь. Но выполнение этой задачи сейчас под угрозой срыва.

Предприятия НПО «Припять» можно разделить на две категории. Первая — это предприятия, которые выполняют комплекс работ по радиационному мониторингу, обращению с радиоактивными отходами (РАО), эксплуатации водоохраных сооружений. К ним относятся спецпредприятие «Комплекс», Управление дезиметрического контроля (УДК), «Чернобыльводэсплуатация», Научно-технический центр. Вторая — предприятия, обеспечивающие жизнедеятельность НПО «Припять» и других предприятий и организаций, размещенных в зоне отчуждения. А это еще восемь тысяч человек, без учета Чернобыльской АЭС. Так вот, недостаток финансирования привел к

тому, что в СП «Комплекс» объемы работ сокращены на 40 процентов от запланированных в 1995 году. Это работы, связанные с эксплуатацией действующих могильников РАО, пунктов временной локализации радиоактивных отходов, пунктов санитарной и специальной обработки автотранспорта и персонала, строительством нового предприятия под кодовым названием «Вектор», предназначенным для сбора, переработки и локализации РАО. Примерно такая же ситуация в УДК, осуществляющем контроль радиационной обстановки. Таким образом, работы, которые нам поручено выполнять в соответствии с законодательством Украины, действующими нормативными актами, могут быть не выполнены, что грозит утерей контроля за радиационной обстановкой и состоянием могильников РАО. А это угрожает безопасности населения Украины, здоровью персонала зоны отчуждения.

Как-то уж так повелось, что на зону отчуждения обращают внимание только тогда, когда возникают ситуации — паводки, пожары. Вот тогда говорят: почему не сделано то и это. А сейчас из-за отсутствия финансирования мы не можем провести необходимые работы и никому до этого дела нет. Хотя у нас нет возможности заключить жизненно важные договоры с научными и проектными организациями, приобрести технику, оборудование, материалы.

Предприятия, обеспечивающие жизнедеятельность зоны отчуждения, а в ней без учета ЧАЭС работает около 13 тысяч человек, укомплектованы персоналом на 40 — 50 процентов. Из-за этого обслуживание тепловых и электрических сетей, оборудования городов Чернобыль, Припять, вахтового поселка Зеленый Мыс производится не на должном уровне, что грозит авариями. У нас нечем оплатить долги за газ, электроэнергию, горюче-смазочные материалы. Предприятие общественного питания и торговли поставщикам 36 миллиардов карбованцев и давно уже не может обеспечить лечебно-профилактическое питание для персонала зоны. Оно не может закупить в должном объеме мясо-молочную про-

дукцию, овощи, фрукты. Ликвидаторы уже забыли о витаминных столах, специальных добавках в пищу, способствующих выведению из организма радионуклидов.

Поэтому парламентариям, работникам Кабинета, Минчернобыля и Администрации зоны отчуждения, если они действительно хотят обеспечить безопасность населения Украины, следует всерьез задуматься об улучшении финансирования работ в зоне отчуждения и отдавать себе полный отчет о возможных последствиях невыполнения регламентных работ, предусмотренных законодательством.

К примеру, бюджет Минчернобыля на 1995 год составляет 86 триллионов карбованцев. Из них НПО «Припять» на выполнение работ в зоне отчуждения выделено всего 2,3 триллиона. Когда просят иностранную помощь, то ссылаются на необходимость проведения работ в зоне отчуждения, но когда доходит дело до распределения средств, то нужды зоны отодвигаются на десятый план. По нашим расчетам на проведение первоочередных работ в 1995 году НПО «Припять» необходимо 3,6 триллиона карбованцев. Нам же выделено столько, что надо сокращать объемы работ примерно на одну треть.

— Сокращение объемов работ, без сомнения, вызовет сокращение штатов. А ведь не секрет, что многие уникальные специалисты и так уже ушли.

— К сожалению, все это отражается на кадрах. Специалисты из России уже ушли. Живущие в Украине, работающие сейчас, стареют и будут уходить. А за ними никого нет. Вузы Украины не выпускают специалистов нужного профиля.

— Вы, Сергей Викторович, упомянули о предприятии «Вектор». Оно, кажется, должно было заниматься созданием специализированной техники для нужд зоны отчуждения?

— Работы эти приостановлены. А ведь по нашим разработкам уже изготовлены опытные образцы. Но завод-изготовитель находится в России и нет средств, чтобы расплатиться за эти изделия и получить их в зону отчуждения. Наша задолженность этим заводам составляет 60 миллиардов рублей.

Мы вообще в долгах,

как в шелках. За газ должны 20 миллиардов карбованцев, за электроэнергию Чернобыльской АЭС — 70 миллиардов, Киевэнерго — 20 миллиардов. И если мы эти долги погасим, то зарплату персоналу будет платить нечем.

Возвращаясь к вопросу о персонале, должен отметить, что социальная защита ликвидаторов очень слабая. Люди в зоне не становятся моложе и здоровее. Многие имеют противопоказания к работе в полях ионизирующего излучения, но скрывают это. Недавно произошел даже такой дикий случай, когда человек, зная о своем раковом заболевании, скрыл это и пошел на верную смерть, чтобы проработать в зоне несколько лишних месяцев и материально поддержать семью. Очень многие пускаются во все тяжкие, идут на обман, только бы остаться на работе. Ведь они знают, что за зной их ждет безработица и нищета. А если бы люди были уверены, что уходя из зоны по заболеванию они будут иметь 75—80 процентов своего среднего заработка, да он еще и будет индексироваться, то таких вопиющих случаев не было бы.

Мало того, чернобыльское законодательство постоянно пересматривается, выплаты и льготы отменяются и урежаются. Зная о таком отношении государства к участникам ликвидации последствий аварии на ЧАЭС, другие люди, если, не дай Бог, что-то подобное вновь случится, вряд ли повторят подвиг ликвидаторов 1986 — 1987 годов. Верно в то, что государство позаботится о тех, кто пострадал во имя его и по его вине, подорвана. И этот процесс продолжается.

— Но какой-то выход из создавшейся ситуации

все же есть? Как-то не верится, что все пребывает в состоянии безнадежного ожидания манны небесной.

— Выход мы видим в том, чтобы самим зарабатывать деньги и направлять их на работы по ликвидации последствий аварии, восполняя тем самым неадекватность бюджетного финансирования. Скажем, в гавани бывшей Чернобыльской ремонтно-эксплуатационной базы флота находится кладбище загрязненных радиоактивными выпадениями судов. В прошлом году нами проведена дезактивация одной из барж и ее восстановление. Сейчас она отвечает всем требованиям радиационной безопасности. Примерные затраты на восстановление этой баржи составили 40 тысяч долларов и есть покупатель, готовый приобрести ее за 60 тысяч долларов. Мало того, появился еще один желающий приобрести эту баржу и предлагающий 80 тысяч долларов. То есть мы будем иметь от 20 до 40 тысяч долларов дохода, который сможем использовать на финансирование регламентных работ в зоне отчуждения. И судов, которые можно восстановить, имеется несколько.

Рассчитываем мы на получение дохода от работы опытно-экспериментальной установки по дезактивации металла, смонтированной в районе села Диброва. Она практически готова к работе, осталось лишь пустить котельную, которая обеспечивает нужную температуру дезактивирующих растворов. Первую партию нержавеющей стали мы планируем обработать в мае. Мощность этой установки 5 тонн нержавеющей стали в смену и поскольку она может работать непрерывно, то за сутки можно дезактивировать 20 тонн металла. А запасы нержавеющей стали в зоне отчуждения достаточно большие. В ней заинтересованы Чернобыльская АЭС, есть покупатель со стороны. И хотя имеются трудности с паспортацией и сертификацией оборудования из отрезактивированной нержавеющей стали, они вполне преодолимы. Кстати, аналога этой установки нет и в России. А она вполне может быть использована для дезактивации оборудования при выведении из эксплуатации блоков РБМК. На этой установке можно проводить эксперименты, отрабатывать новые технологии. Так что на нас можно возложить не только российские специалисты, но и специалисты ряда западных стран.

Большой интерес для специалистов представляют наши разработки техники для обращения с РАО. На этом тоже можно зарабатывать. Получаем мы оплату за захоронение РАО на наших мощностях, использование сторонними организациями наших санпропускников, обеспечение этих предприятий и организаций топливом, водой. В том, чтобы самим зарабатывать, мы видим единственную возможность сохранить коллектив, специалистов и не уменьшить объемов и номенклатуры работ.

Александр КОЛОТ,
Юрий ДРОНЖКЕВИЧ.
На фото: работы по ЛПА в зоне отчуждения;
С. В. КАЗАКОВ,
Фото Н. ХРИЕНКО и
В. КУЗЕНКОВА.